

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ БИБЛЕЙСКИХ ВКЛЮЧЕНИЙ В АНГЛОСАКСОНСКИХ ЗАГОВОРАХ

О.И. Просяникова, К.В. Скорик

Аннотация. В статье рассматривается проблема библейских включений в англосаксонских заговорах, анализируется ономастическая лексика, молитвы и литургические вкрапления, входящие в структуру заговора. В качестве материала исследования приводятся примеры употребления библеизмов в англосаксонских заговорах из коллекции Ф. Грендона. Автором уделяется внимание анализу взглядов исследователей на изменения в структуре заговора в связи с включением христианских молитв и богослужебных текстов. Выделяются и описываются адресаты, представленные библейскими персонажами, употребление имени которых может быть связано с назначением заговора и его содержанием. Установлено, что в заговорах используется как прямая, так и косвенная адресация, последняя преобладает и представлена большим количеством персонажей в зависимости от цели заговора. Особое внимание уделено функциональности основных христианских молитв. Основное содержание исследования составляет анализ дополнительных смыслов, которые фрагменты христианской религии придают языческому по происхождению заговорно-магическому тексту. На основе анализа молитвенных включений сделан вывод о том, что функция молитв может быть различной в зависимости от содержания заговора и ритуала, но общей установкой для всех включений является воздействие на производимые действия и усиление их эффективности. Под воздействием понимается освящение и благословение различных ритуальных действий, относящихся к языческим практикам. Смешение языческих и христианских представлений о чудах, вере в сверхъестественные силы молитв и легендарных персонажей способствовало интеграции христианских практик в языческие заговоры. При проведении исследования использовались методы анализа, синтеза и обобщения, а также гипотетивно-индуктивный метод.

Ключевые слова: библеизмы, библейские включения, ономастическая лексика, англосаксонские заговоры, функционирование.

Для цитирования: Просяникова О.И., Скорик К.В. Функционирование библейских включений в англосаксонских заговорах // Преподаватель XXI век. 2024. № 1. Часть 2. С. 495–508. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-1-495-508

© Просяникова О.И., Скорик К.В., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

O.I. Prosyannikova, K.V. Skorik

Abstract. *The article deals with the problem of biblical inclusions in Anglo-Saxon charms, and analyzes onomastic vocabulary, prayers and liturgical inclusions in the structure of the charms. The research material includes examples of the use of biblical terms in Anglo-Saxon charms from the Grendon Collection. The author pays attention to the analysis of the researchers' views on the changes in the structure of the charms due to the inclusion of Christian prayers and liturgical texts. The addressees, represented by biblical characters, whose use of names may be related to the purpose of the charm and its content, are singled out and described. It is established that both direct and indirect addressing are used in charms, the latter being predominant and is represented by a large number of characters depending on the purpose of the conspiracy. Special attention is paid to the functionality of basic Christian prayers. The main content of the study is the analysis of additional meanings that fragments of the Christian religion give to the pagan in origin conspiracy-magic text. Based on the analysis of prayer inclusions it is concluded that the function of prayers can be different depending on the content of the conspiracy and ritual, but the common setting for all inclusions is the impact on the actions performed and strengthening their effectiveness. Influence refers to the sanctification and blessing of various ritual actions related to pagan practices. The mixture of pagan and Christian ideas about miracles, belief in the supernatural powers of prayer and legendary characters contributed to the integration of Christian practices into pagan conspiracies. The methods of analysis, synthesis and generalization, as well as the hypothetical-inductive method were used in conducting the research.*

Keywords: *bibleisms, biblical inclusions, onomastic vocabulary, Anglo-Saxon charms, functioning.*

Cite as: Prosyannikova O.I., Skorik K.V. Functioning of Biblical Inclusions in Anglo-Saxon Charms. *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education, 2024, No. 1, part 2, pp. 495–508. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-1-495-508

Введение

Тексты заговоров не раз становились неисчерпаемым материалом для исследования. Одной из интересных проблем является присутствие в этих текстах библеизмов, которые представлены именами собственными, библеизмами-цитатами в виде богословских или богослужебных текстов, а также словами религиозного происхождения, используемыми при отправлении церковных практик [1, с. 141]. Являясь интертекстуальными включениями, они выполняют особую прагматическую функцию. Библеизмы способны придать дополнительный смысл какому-либо действию или событию, объекту или персонажу. По мнению Р.О. Якобсона, такие религиозные тексты, как Священное писание и молитвы, обладают магической силой, которая реализуется словом при выполнении призывно-побудительной функции [2, с. 200]. Заговоры, которые также с некоторыми оговорками относятся к религиозным текстам, демонстрируют силу слова, которому мифологическое сознание предков приписывало магические возможности достижения цели и воздействия на окружающий мир. Включение иноязычных

высказываний, в частности цитат из Библии в тексты заговоров, в первую очередь объясняется стремлением усилить магическую силу ритуала и обряда. Следует отметить, что функциональная спецификация детерминировала и выбор библеизмов, которые включались в заговоры. Такие библеизмы представляют собой исторически обособленную группу единиц, которые не входят, по данным лексикографических источников, в число широкоупотребительных библеизмов как в английском языке, так и в других европейских языках [3].

Иноязычные высказывания как особый пласт лексики в англосаксонских заговорах неоднократно становились материалом исследования [4–7]. Интерес к этому факту обусловлен многими моментами. С одной стороны, мы имеем дело с текстами англосаксонского периода, относим эти тексты к языческой эпохе развития британцев, с другой стороны, в текстах заговоров остались лишь незначительные осколки язычества, но в большом количестве присутствуют христианские молитвы, латинские и псевдолатинские включения. Причиной этого является значительная трансформация, которой тексты заговоров подверглись с приходом христианства и стремлением миссионеров обратить в эту веру людей, исповедующих язычество.

Необходимо отметить, что мы придерживаемся позиции тех исследователей, которые дифференцируют заговоры, выводя в отдельный разряд так называемые «черные заговоры», и рассматриваем заговоры, относящиеся в большей степени к лечебным, в которых и происходила интеграция заклинания и молитвы при сохранении положительного целевого назначения заговора [8–10].

Второй момент касается вопроса происхождения заговора. В настоящее время мы имеем дело с текстами, которые изначально являлись порождением устной традиции. На этот счет имеются работы различных исследователей, ставивших проблему соотносительности текста и устного материала. Естественно, что во времена античности устные формы были обычными и преобладающими. Такое существование тех же заговоров не предполагает их стабильной формы в отличие от паремий, относящихся к афористическим единицам (поговорки, народные приметы и т. п.), в которых обобщенно-универсальный характер значения детерминирует дискурсивную автономность и устойчивость лексико-грамматической организации их как фразовых текстов и в устной, и в письменной форме [11, с. 914–915]. Переход к письменной форме существования повлек определенные трансформации, и те варианты, что мы имеем сейчас, претерпели вероятностные изменения, судить о которых мы можем с минимальной степенью уверенности. В связи с этим присоединяемся к решению многих исследователей быть открытыми к любым возможным высказываниям на этот счет.

Пантеон языческих богов был богатым на персонажи, и наверняка именно их имена упоминались в качестве адресатов обращения в заговорах [12]. В настоящих текстах заговоров адресатами являются Бог, апостолы, святые и другие ветхозаветные и новозаветные библейские персонажи. Кроме того, в них присутствуют молитвенные вкрапления как элементы христианской религии, что убедительно объясняется А.Л. Топорковым тем, что «заговоры находятся на пересечении сфер церковно-христианского и фольклорного знания». Заговорно-магические тексты представляют собой континуум, на полюсах которого располагаются тексты, кардинально отличающиеся друг от друга по своей структуре, лексике, религиозно-нравственным установкам, но пространство

между полюсами представляет собой серию переходов между фольклорно-магическими текстами и каноническими молитвами [9, с. 9].

Интерес к библейским включениям в заговоры и стремление определить их роли возникли еще в начале XX века. Ф. Грендон полагал, что использование молитв, псалмов, литургических формул и прочих христианских включений было обусловлено исключительно стремлением завуалировать языческие черты [13, с. 115]. Однако в конце века появляются работы, авторы которых рассматривают эту проблему шире и с разных точек зрения. Ш. Кинни высказывает следующее предположение об интеграции язычества и христианства в заговорах. В англосаксонской Англии лечение использовалось как средство продвижения христианской религии в областях с господствующим влиянием язычества. Подтверждение этому она находит в том, что в заговорах на латинском, написанных грамотными монахами, назначение заговора и название трав прописаны на англосаксонском. Автор полагает, что таким образом устанавливалась связь между желающим излечиться и монастырем, в который ему приходилось идти, чтобы помимо трав узнать содержание ритуала и заклинания. При этом в текст включались фразы из христианских молитв [14, с. 37, 39].

Известный исследователь англосаксонских заговоров Г. Стормс выделил в заговорах простонародные инструкции, магическую атмосферу, аллитеративные приемы, отнесенность к германским богам, абракадабру и веру в сверхъестественную силу лечебных трав как языческие черты, а обращение к святым, литургические предметы и использование латинского и греческого языков как христианские элементы [15, с. 114, 116–125].

У. Чейни видел в англосаксонских заговорах свидетельство слияния двух религий, в результате которого появился неополитезм как синкретическое явление [16, с. 199]. К.Л. Джолли полагает, что существовала размытая граница между чудесами, вера в которые одинаково присуща как христианскому мировосприятию, так и языческому [6, с. 285].

Интегрирование христианских включений в заговоры не меняло кардинально прагматическую составляющую, поскольку и заговор, и христианская молитва своей целью ставят обращение за помощью к всевышним силам для разрешения проблемы, будь то исцеление или избавление от напасти. Принципиальное отличие молитвы состоит в том, что с ней не следует обряд или ритуал, который непременно сопровождает заговор. Л. Ольсен отмечает, что заговоры фактически живут только при сопровождающем их ритуале и личном взаимодействии его участников. Несмотря на появление литературной части заговора в виде молитвенного текста, функционально действие в заговоре продолжает доминировать как эффективный элемент. Л. Ольсен, проводившая исследование заговорных текстов средневековья XIII–XIV веков, полагает, что в раннем англосаксонском обществе латинские включения не имели большого значения и не несли большого смысла, поскольку доминировали традиционные для язычества формы [7, с. 123]. С течением времени картина менялась, включаемые в заговоры тексты молитв, псалмов приобретали определенную регулярность и интерпретацию. При этом надо отметить, что по-прежнему заговорный ритуал включает ограниченное число участников: исполнителя, страждущего и представителя невидимого мира. Иногда исполнитель и страждущий представлены в одном лице. Включение библейских тем в заговорные тексты происходило при непосредственном участии христианских монахов, положивших заговоры на письмо, поэтому их косвенное участие во многом определило те библеизмы, которые мы наблюдаем в заговорах.

Таким образом, элементы христианской религии — библейские персонажи, молитвы и высказывания из Псалтыри, латинские литургические тексты — постепенно включаются в англосаксонские заговоры. В настоящей статье рассматривается функциональность трех видов интертекстуальных включений: библейские персонажи, христианские молитвы и литургические тексты.

Роль библейских персонажей

В результате исследования установлено, что библеизмы встречаются в 38 заговорах из 62, представленных в коллекции Ф. Грендона. Столь высокая представленность библеизмов (в свыше 60% текстов) заметно выделяет заговоры в кругу иных разновидностей паремий. Для сравнения можно отметить, что только 6,5% английских пословиц генетически связаны с библейскими текстами [17, с. 869].

Библейские персонажи, упоминающиеся в заговорах, имеют статус адресатов, что обусловлено жанровой особенностью заговора — обращением с просьбой о помощи и содействии в достижении результата. В англосаксонских заговорах адресатами становятся персонажи от Бога, Христа, девы Марии до пророков, мучеников и исповедников. Использование персонажей Библии в заговорах представлено прямой и косвенной адресацией. Прямая адресация в виде обращения, как правило, относится к Богу и может быть выражена по-разному:

(1) “**Helpe drihten!**” [13, с. 166]. — Господи, помоги!

(2) “<...> geunne þē sē **alwalda, ēce drihten** <...>” [там же, с. 174]. — Даруй, Всемогущий Господь.

(3) “**Deus omnipotens, pater domini nostri Jesu Christi** <...>” [там же, с. 187]. — Бог всемогущий, отец нашего Господа Иисуса Христа <...>.

В заговоре на путешествие (Sīðgaldor) наблюдаем обращение за помощью и поддержкой к сонму библейских персонажей — праотцам еврейского народа ветхозаветным святым Аврааму, Исааку, Якову и Иосифу, к первому пророку и скитальцу Моисею, объединившему еврейский народ и водившему евреев 40 лет по пустыне, к мудрому и справедливому царю народа Израиля Давиду, праmaterям Еве, Ханне, Елизавете, Саре и Марии:

“Abrame and Isace, Iacob and Iosep and swilce men, Moyses and Dauit, and Evan and Annan and Elizabet, Saharie and ēc Marie, mōdur Crīstes, and ēac þāgebrōðru, Petrus and Paulus and ēac þūsend þira engla clipige ic mē tō āre wið eallum fēondum” [там же, с. 176, 178]. — Авраам и Исаак, Яков и Иосиф и такие же люди, как они, Моисей и Давид, Ева и Анна, и Елизавета, Сарра и Мария, мать Христа, и братья Петр и Павел, и все тысячи ангелов, умоляю о помощи против всех недругов.

Такое сочетание ветхозаветных персонажей обретает особую силу, поскольку все они почитаются за истинную веру. Они общепризнанные заступники, их благодатные силы являются для верующих залогом исполнения просьбы. Интересна в связи с назначением заговора и другая интерпретация, согласно которой под путешествием следует понимать жизнь как аллегорию путешествия [18, с. 255]. В связи с этим слова о помощи против бед и напастей воспринимаются как призыв к праведникам о духовной помощи в путешествии по жизни.

В заговоре против лихорадки (Wið Lenctenādle) страждущий обращается с просьбой о заступничестве к Евангелистам (1) и к Веронике (2):

(1) “Matheus, Marcus, Lucas, Johannes intercedite pro me”. — Матфей, Марк, Лука, Иоанн, заступитесь за меня.

(2) “In nomine domini sit benedictum Veronice, Veronicen” [13, с. 183]. — Во имя Господа благослови, Вероника.

Обращение к Веронике, видимо, обусловлено надеждой на помощь и освобождение от болезни, поскольку именно эта девушка по легенде подала платок Иисусу Христу, несущему крест по дороге на Голгофу, и утерла ему лицо.

Наряду с прямой адресацией, выраженной посредством обращения к какому-либо персонажу, в заговорах наблюдаются примеры косвенной адресации. В этом случае средством экспликации является глагол в сослагательном наклонении, семантика которого связана с побуждением к действию кого-либо, в частности претерито-презентный глагол *ge-unnan*:

“Sē god, sē þās grades geworhte, *geunne* ūs grōwende gife, þæt ūs corner gehwylc cume tō pytte” [там же, с. 176]. — Пусть Господь, который создал эти земли, дарует плоды, чтобы весь урожай у нас был.

К косвенной адресации относится и перформативная конструкция *Ic biddu* с семантикой просьбы и упования на помощь и защиту:

“Ēastweard ic stande, ārena ic mē *bidde*, *bidde ic* ðone mæran domine, *bidde* ðone miclan ndrihten, *bidde ic* ðone hāligan heofonrīces weard, eorðan *ic bidde* and ūpheofon, and ðā sōþan *sancta Marian*, and heofones meaht and hēahreced þæt ic mōte þis gealdor mid gife drihtnes tōðum ontȳnan...” [там же, с. 174]. — Я обращаю лицо к Востоку и прошу оказать мне услугу. Молю тебя, Господь мой, славный и великий, молю тебя, святой хранитель небес, молю тебя, земля, и молю тебя, небо, молю пресвятую Деву Марию и силу небес могучих, благодатью Господа я воздаю вам хвалу.

В заговоре от инфекции (*Wið Flēogendan Āttre*) имена Евангелистов упоминаются в роли исполнителей защитных действий. Следует три раза произнести текст, в котором определена роль каждого:

“+ Matheus me ducat, + Marcus me conseruet, + Lucas me liberet, + Johannes me adiuuet, seipre, amen” [там же, с.199]. — Матфей ведет меня, Марк исцеляет, Лука освобождает, Иоанн помогает.

В заговорах на путешествие (*Sīðgaldor*), от черной язвы (*Wið Ðā Blacan Blēgene*), от лихорадки (*Wið Lenctenādle*), от инфекции (*Wið Flēogendan Āttre*) также упоминаются Святые апостолы евангелисты Матфей, Марк, Лука и Иоанн. Обращение к ним обусловлено сакральностью этих персонажей и верой в их заступничество. За каждым закрепился символ, несущий сакральный смысл. Символ Матфея — Ангел как символ Мессии, Сына Божьего, посланного на землю. Марк отождествляется с мощным и сильным Львом. Символом Луки является жертвенный Телец, поскольку в Евангелии от Луки описано жертвенное страдание Господа Иисуса Христа. Символом Иоанна является Орел как символ высоты учения, силы слова, изложенного им в своем Евангелии. Вера в их силы и упование на их защиту реализуется в заговоре в наделении каждого орудием защиты:

“Biddu ealle blīðum mōde, þæt mē bēo Matheus helm, Marcus byrne, leoht-lifes rōf, Lucas mīn sword, scearp and scīrecg, scyld Iohannes, wuldre gewlitedog wega Serafhin” [там же, с. 178]. — Радуюсь жизни, молю Матфея быть моим шлемом, Марка — быть мне кольчужой, Луку — быть моим мечом острым, Иоанна — быть моим щитом, увенчанным славой.

Отсылка к Евангелистам в заговоре на путешествие (Siðgaldor), возможно, обусловлена и тем, что все они много путешествовали. Матфей, мытарь, собирал подати, Марк много странствовал, Лука принял участие во втором миссионерском путешествии апостола Павла, Иоанн покровительствовал путешественникам.

В заговоре против опухоли (Wið Dweorh) использованы персонажи легенды о семи отроках Эфесских — Максимилиане, Иамвлихе, Мартимиане, Иоанне, Дионисии, Константине и Антонии. Согласно ритуалу следует написать их имена на семи облатках, что по существу и является косвенной адресацией. Эти персонажи одни из самых часто упоминаемых в заговорах [19, с. 30]. По статистике Л.К. Арновика, ссылки на них встречаются в 38 лечебных заговорах [4, с. 93]. Легенда повествует, что юноши подверглись преследованию язычниками за веру в Христа и укрылись в пещере, вход в которую был замурован христианами и заложено оловянными табличками с их именами. Господь навел на них чудный сон и, когда 200 лет спустя гонения на христиан прекратились, Господь оживил отроков, подтвердив таким образом возможность воскрешения из мертвых. Такие волшебные истории занимали особый статус, поскольку их сила — в претворении чуда и волшебстве. Вера в чудеса была высока в народной культуре англосаксов, что и делало легенду о семи отроках весьма популярной. Истории о чудесах, которые произошли со святыми, были влиятельным средством для миссионеров на Британских островах. По мнению Р. Финакейна, чудеса и реликвии, относящиеся к святым, имели намного больше значения для вновь обращенных в христианство язычников, чем проповеди и дела миссионеров, поскольку сила волшебства христианских героев совпадала с силой языческих персонажей [20, с. 22].

Заговоры, в которых присутствует ссылка на семь отроков, внесены в раздел лечебных, что дает право предположить, что их позиционировали как медицинское средство, способное защитить от опасностей в период перехода ночи в день. Такой момент ассоциировался у древних со смертью, которая воспринималась как продолжение сна. Ночные видения, которые для людей древности и средневековья были сложным и необъяснимым явлением, понуждали человека обратиться к защите от мира сна, и легенда о семи отроках успешно выполняла эту роль. Назначение заговоров, в которых фигурировали семь отроков, состояло в защите человека от вечного сна и надежде на чудесное возрождение, как это произошло с отроками.

В заговоре на кражу скота (Wið Fēos Lure) после ритуальных действий следует пропеть следующие слова на латинском: “Cruх Christi reducat. Cruх Christi per furtum periit, inventa est. Abraham tibi semitas, vias, montes, concludat; Job et flumina; [Jacob] ad iudicium ligatum perducat” [13, с. 179]. — Крест Христа вернет, Крест Христа найдет кражу. Авраам на тропах, дорогах и горах, Иов в реках рассудит.

По мнению С. Холлис, сверившей латинский текст с подобным текстом в «Церковной истории народа англос» Беда Достопочтенного (Old English Bede), в тексте заговора в латинской фразе “Job et flumina” произошла замена Андроника (Andronas), апостола от 70-ти, на более знакомого Иова (Job) [21, с. 15]. Вероятно, такая замена неслучайна и объясняется, с одной стороны, тем, что имя Иова было больше известно, с другой стороны, именно у праведника Иова однажды украли весь скот, при пожаре погибли все его животные, но он по-прежнему уповал только на Господа, его вера не поколебалась, и Господь одарил его еще большим имуществом. Таким образом, дается подсказка тому,

кто совершает заговор, что христианская вера, вера в Господа поможет в поисках скота и достижении желаемого.

Присутствие библейских имен отражает веру в чудодейственную силу христианских святых. Страдания и мучения, испытанные библейскими персонажами, внушали веру в их святость и силу. Отождествление мучеников и святых с простым человеком придавало больше веры этой общности и соответственно веры в чудеса, что добавляло заговорам магической силы.

Функционирование молитв и литургических текстов

Следующим частотным элементом в заговорах являются молитвы и литургические тексты, включение которых в заговор привели к структурным изменениям, но не изменили саму суть заговора как перформативного явления. В нем по-прежнему сохраняет свое исключительное значение описание приготовления лечебного средства, выбора места и времени проведения ритуала и необходимых для этого предметов.

Включение молитвенных текстов *Pater noster* (Отче наш), *Creed* (Символ веры) и их слияние с остальным текстом заговора должно было укрепить веру в чудодейственную силу происходящего и связать чудо с божественным происхождением. Как отмечает К. Джолли, для *хорошего* англосакса решающим было божественное происхождение средства [22, с. 103].

Необходимо отметить и такой факт. Текст заговора существовал на родном языке с включением слов на латинском или отсылкой на чтение какой-либо молитвы или псалма. Исполнить молитву или псалом на латинском мог монах или священник, который в таком случае осознанно уповал на божественную силу. Но если эти слова произносил знахарь, то смысл этих слов, скорее всего, был ему неизвестен, и сила этих слов была в его бессознательной вере в их чудодейственность. В данном случае языческая вера в безусловную магическую силу заговора соединяется с религиозным экстазом, поскольку «в процессе молитвы истинно верующий достигает высшей концентрации всех своих духовных сил, личность молящегося устремляется ввысь, к Богу, наполняется Божественным экстазом и божественными видениями» [23, с. 68]. Таким образом, встает вопрос о роли молитвы, в частности *Pater Noster* (Отче наш), самой распространенной, чаще всего включаемой в заговор, что абсолютно естественно, поскольку, по выражению св. Фомы Аквинского, это «самая совершенная молитва». Она называется Господнею, потому что ее дал Иисус Христос своим ученикам в ответ на их просьбу научить их молиться. Можно приписать различные роли этой молитве. Можно рассматривать ее включение в заговор как безусловное вместилище сакральности независимо от совмещения языческого и христианского. В таком случае функция молитвы совпадает с функцией заклинания в ритуале и направлена на достижение цели заговора. Если не рассматривать заклинательную силу христианских молитв в заговорах, то в этом случае заговоры представляют собой языческие молитвы в христианских облачениях. Но можно рассматривать молитву *Pater Noster* (Отче наш) и как основополагающее изречение в составе заговора, которое при его включении в текст берет на себя всю ответственность за достижение цели и принимает перлокутивную роль, выступая гарантом успешности. Подтверждение этой мысли Л. Арновик видит в том, что в заговоре заклинание является в виде молитвы наряду с абракадаброй. Он объясняет это тем, что именно христианская молитва придает

силу и добавляет уверенности в исполнении желаемого [4, с. 62]. В лечебном заговоре на опухшие железы (Wið Cynrla) после девятикратного чтения абракадабры следует пропеть девять раз Отче наш:

“Esce dolgula media durum bedegunda elecunda eleuahia mottem mee renum oþra fueþa letaues noeues terre dolge drore uhic Alleluia.

Singe man þis gebed on þæt sē man drincan wille nygan sīþan, Pater noster nigan sīþan” [13, с. 197]. — Пусть пропоет эту молитву (абракадабру) девять раз и Отче наш девять раз над питьем и пусть он выпьет это.

Как видим, девять раз прочитанное заклинание на абракадабре завершается для верности христианской молитвой, что можно трактовать как акт освящения, усиливающий исполнение желаемого.

Использование Pater noster (Отче наш) в лечебных заговорах, вероятно, связано и с такой функцией, как благословение на исцеление. В заговорах часто прибегают к чтению молитвы над каким-либо предметом, участвующим в ритуале, например, водой или хлебом (1), в результате чего они, по мнению произносящего, приобретают чудодейственную силу, либо молитва читается над больным местом, что сулит исцеление (2):

(1) “Arcus supeð assedit uirgo cana bið lux et ure cana bið.

Sing ðis nigon sīþan and Paternoster VIII on ānum berenan hlāfe and syle þān horse etan” [там же, с. 196]. — Пропой девять раз заклинание, а потом девять раз Отче наш над ячменным хлебом и дай коню съесть.

(2) “Sing on ðīne lācefinger III Paternoster, and wrīt ymb þæt sære and cweð: Fuge, diabolus, Christus te sequitur. Quando natus est Christus, fugit dolor. And eft III Paternoster, and III Fuge diabolus” [там же, с. 186]. — Пропой Отче наш три раза на мизинец, обведи чертой болячку и скажи: «Прочь, дьявол».

Вслед за Pater noster (Отче наш) часто повторяющимися молитвами звучат Benedicite и Credo (Символ веры). Благословение (Benedicite) — молитва, используемая в Часовой литургии и являющаяся одной из древнейших христианских литургических песен. Молитва претерпела в дальнейшем изменения с привлечением формальных элементов национального характера, но первые строки остаются узнаваемыми. Поскольку текста всей молитвы не представлено в заговорах, то можно предположить, что начальные слова молитвы Благославлен соотносятся с первоначальным текстом из Евангелия от Луки: «Благословен Господь Бог Израилев» [Гл. 1, 68–79].

В заговоре против эльфийской болезни (Wið Ælfadle) Benedicite пропеваается дважды в ходе ритуала, за ней следует Отче наш, Символ веры (Credo) и Gloria (Великое словословие).

“Sing þonne Benedicite and Paternoster and lētanīan, and sting þin seax on þā wyrte; <...> Sing þonne Benedicite and Paternoster and lētanīaSing þonne Benedicite and Paternoster and lētanīa, ādelf þā wyrte <...>; āwyl þriwa om meolcum, gēot þriwa hāligwæter on, sing Paternoster and Crēdan and Gloria in excess deo, and sing on hine lētanīa <...>” [13, с. 190]. — Пропой Благословен, Отче наш и литанию (песнопение) и воткни нож в траву; <...> Пропой Благословен, Отче наш и литанию и выкопай траву <...>; прокипяти три раза в молоке, налей святой воды и три раза пропой над этим Отче наш, Символ веры, Глорию и литанию.

Глория встречается в заговорах крайне редко. Вероятно, причиной тому является принадлежность этого древнего христианского гимна к богослужебной практике,

в которой он использовался в составе католической мессы латинского обряда и не был широко распространен.

Символ веры (Credo) также, как и упомянутые молитвы, не представлен в развернутом виде, но встречается в ряде заговоров наряду с Отче наш как молитва, функция которой — придать ритуалу силы и укрепить в его эффективности страждущего. Например, в заговоре от икоты (Wid Ælfsogoran), считавшейся признаком вселения в человека другого существа или демона, предписывался сложный ритуал, выполняя который следовало написать на латинском языке следующие слова: “Scriptum est, rex regum et dominus dominantium. Byrnice. Beronice. Iurlure. iehē. aiūs. aiūs. aiūs. Sanctus. Sanctus. Sanctus. dominus duēs Sabaoth. amen. alleluiah” [там же, с. 187]. Начальные строки имеют смысл: «Написано здесь – царь царей, господь господствующих». Далее следуют слова, которые представляют собой искаженные Veronica, Yahweh (Яхве), одно из ветхозаветных имен Божьих, и греческое agios (свят). Этой запиской надо перекрестить приготовленный напиток и произнести следующие слова:

“Deus omnipotens, pater domini nostril Jesu Cristi, per Inpositionem huius scripturae et per gustum huius, expelle diabolum a famulo tuo, Nomen. And Credo and Paternoster” [там же, с. 188]. — Бог всемогущий, отец нашего Иисуса Христа, этим священным писанием изгони беса из раба твоего, имярек. И Символ веры и Отче наш.

Надо заметить, что латинские включения, имеющиеся в некоторых заговорах, мог выполнить только монах или образованный мирянин и, следовательно, изменения в англосаксонские заговоры были привнесены в период христианизации.

Наряду с упомянутыми важнейшими христианскими молитвами в заговорах наблюдаются литургические тексты, которые несут функцию благословения на исполнение просьбы или благодарности за претворение просьбы. В знаменитом заговоре на плодородие земли (Æser-Bōt) помимо основных молитв следует пропеть Magnificat, Crescite, произнести Sanctus и In nomine patris.

Magnificat, или песнь Девы Марии «Величит душа Моя Господа» из Евангелия от Луки (1 гл. 46–55), выражает благодарность Богу за Его великие дела и чудесную помощь и звучит в заговоре как призыв славить Господа за его дела.

“Crescite, grow, et multiplicamini, et replete terram” [там же, с. 173]. — Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю.

Эти слова из книги Бытия были даны первым людям по их сотворении, в них отражаются смысл и цель заговора на плодородие, в связи с чем и должны произноситься многократно в течение ритуала.

«Свят, свят, свят» — первая фраза Серафимовской песни, древнего христианского литургического гимна, который начинается этими словами и восходит к 3 стиху 6 главы Книги пророка Исайи и Откровению Иоанна. Эта фраза произносится в опасной ситуации как призыв к Господу отвести беду.

“Sanctus. Sanctus. Sanctus dominus deus Sabaoth. Amen. Alleluiah”. [там же, с. 187]. — Свят, свят, свят, Бог Саваоф. Аминь. Аллилуйя.

В заговоре на плодородие земли эти слова звучат как просьба отвести ненастье и неурожай.

“Wende þē þonne III sunganges, āstrece þē þonne on addlang and ārīm þær lētanias; and sweð þonne: Sanctus, sanctus, sanctus, of ende” [там же, с. 174]. — Повернись три раза по солнцу, встань на колени и скажи: Свят, свят, свят.

В заговорах неоднократно можно встретить фразу “In nomine patris et filii et spiritus sancti sitis benedicti”, что значит «Во имя Отца и сына, и святого духа». Венчает фразу слово «Аминь», которое не переводится на другие языки и имеет значение «да будет так», «воистину», т. е. подтверждает сказанное. В заговорах не всегда следует окончание «Аминь», встречается еще концовка «благослови»:

“In nomine patris et filii et spiritus sancti sitis benedicta” [там же, с. 173].

Этими словами, как правило, начинается каждое богослужение, молитвословие или проповедь, они являются догматическими и выражают единственность Троицы. Но в заговоре это выражение, на наш взгляд, выполняет роль закрепки, магически закрепляющей действие всего предыдущего текста и нейтрализующей допущенные в нем возможные ошибки [24]. Таким образом, происходит освящение ритуальных действий, акцентируется сила слова, хотя не следует забывать, что в этом случае происходит смешение христианских и языческих практик.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что в заговорах нами были проанализированы ономастические библеизмы, библейские включения в виде молитв, цитат из различных книг Священного писания, литургические тексты. Не рассматривались латинские и латиноподобные включения, поскольку они требуют отдельного изучения. В некоторых заговорах библейские имена собственные используются в контексте их деяний и цели заговора, что должно способствовать успешному претворению желаемого. В таких случаях библейский персонаж ассоциируется с каким-либо благим делом в своих жизнеописаниях. Общим для всех включений является функция упования на чудодейственную силу персонажей. Христианские молитвы являются неотъемлемой частью заговора, по существу выполняя роль заклинания. Их включение в англосаксонские заговоры, языческие по происхождению, говорит о том, что христианизация проходила в том числе в эзотерической сфере, заменяя языческие заклинания на христианские молитвы. Молитвы и литургические тексты принимают перлокутивную роль, способствуя достижению результата заговора, освящая ритуальные действия, придавая им чудодейственную силу по версии верующего. Самой частотной молитвой является Paternoster, значение которой трудно переоценить в силу ее конституирующей роли. Сочетание нескольких молитв, практика их многократного повторения, включение их в ритуал заговора свидетельствует об успешном интегрировании христианской религиозной традиции в языческие практики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Климович, Н.В. Особенности перевода интертекстуальных элементов библейского происхождения в художественном тексте // Вестник ТГПУ. 2013. № 10 (138). С. 141–147.
2. Якобсон, Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». Сборник статей. М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.
3. Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2 т. / под ред. Е.Е. Иванова, В.М. Мокиенко, Д. Балаковой, Х. Вальтера. Могилёв: МГУ имени А.А. Кулешова, 2019.

4. *Arnovick, Leslie K.* Written Reliquaries. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2006. 309 p.
5. *Hebing, R.* The Textual Tradition of Heavenly Letter Charms in Anglo-Saxon Manuscripts // *Amsterdamer Beiträge zur älteren Germanistik*. 2012. No. 69 (1). P. 203–222.
6. *Jolly, K.L.* Anglo-Saxon Charms in the Context of a Christian Worldview // *Journal of Medieval History*. 1985. No. 11 (4). P. 279–293.
7. *Olsen, L.* Latin Charms and Oral Tradition // *Oral Tradition*. 1992. No. 7/1. P. 116–142.
8. *Вельмезова, Е.В.* Чешские заговоры: исследования и тексты. М.: Индрик, 2004. 277 с.
9. *Топорков, А.Л.* Заговоры в русской рукописной традиции XV–XIX в.в. История, символика, поэтика. М.: Индрик, 2005. 480 с.
10. *Левкиевская, Е.Е.* Славянский оберег. Семантика и структура. М.: Индрик, 2002. 336 с.
11. *Иванов, Е.Е.* Афоризм в кругу малых текстовых форм в устном, письменном и электронном дискурсах // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2022. Т. 13. № 4. С. 898–924.
12. *Просьянникова, О.И., Скорик, К.В.* Языческие персонажи в англосаксонских и славянских текстах заговоров // *Rhema. Рема*. 2019. № 1. С. 36–47.
13. *Grendon, F.* The Anglo-Saxon Charms. New York: Columbia University, 1909. 134 p.
14. *Kinney, S.* Anglo-Saxon Medicine: Cures or Catastrophe? // *Primary Source*. 2012. Vol. II. Issue II. P. 37–42.
15. *Storms, G.* Anglo-Saxon Magic. The Hague: Nijhoff, 1948. 361 p.
16. *Chaney, W.* Paganism to Christianity in Anglo-Saxon England // *Harvard Theological Review*. 1960. Vol. 53. P. 197–217.
17. *Ivanov, E., Petrushevskaja, Ju.* Etymology of English Proverbs // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2015. Vol. 8. No. 5. P. 864–872.
18. *Rupp, K.* The Anxiety of Writing: A Reading of the Old English // *Journey Charm Oral Tradition*. 2008. Vol. 23. No. 2. P. 255–266.
19. *Schmidt, C.* Sleeping Toward Christianity: The Form and Function of the Legend of the Seven Sleepers in Medieval British Oral Tradition. University of Missouri Libraries, 2008. 68 p.
20. *Finucane, Ronald C.* Miracles and Pilgrims: Popular Beliefs in Medieval England. NJ: Rowman and Littlefield, 1977. 255 p.
21. *Hollis, S.* Old English “Cattle-Theft Charms”: Manuscript Contexts and Social Use // *Anglia: Zeitschrift für Englische Philologi*. 1997. Vol. 115. No. 2. P. 139–164.
22. *Jolly, K.L.* Popular Religion in Late Saxon England: Elf Charms in Context. University of North Carolina Press, 1996. 264 p.
23. *Иванов, Е.Е., Маслова, В.А., Мокиенко, В.М.* Наследие Библии в языках и культурах народов России и Беларуси: монография. М.: РУДН, 2022. 406 с.
24. *Юдин, А.В.* Ономастикон русских заговоров. Имена собственные в русском магическом фольклоре. М.: Московский общественный научный фонд, 1997. 320 с.

REFERENCES

1. Klimovich, N.V. Osobennosti perevoda intertekstualnyh elementov biblejskogo proiskhozhdeniya v hudozhestvennom tekste [Features of the Translation of Intertextual Elements of Biblical Origin in a Literary Text], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University, 2013, No. 10 (138), pp. 141–147. (in Russ.)

2. Yakobson, R.O. *Lingvistika i poetika* [Linguistics and Poetics]. In: *Strukturalizm: “za” i “protiv”* [Structuralism: “Pros” and “Cons”. Collection of Articles]. Moscow, Progress, 1975, pp. 193–230. (in Russ.)
3. *Lepta biblejskoj mudrosti: rusko-slavyanskij slovar biblejskih vyrazhenij i aforizmov s sootvetstviyami v germanskih, romanskih, armyanskom i gruzinskom yazykah* [The Mite of Biblical Wisdom: A Russian-Slavic Dictionary of Biblical Expressions and Aphorisms with Correspondences in Germanic, Romance, Armenian and Georgian languages], ed. by E.E. Ivanov, V.M. Mokienko, D. Balakova, H. Walter. Mogilyov, Mogilyovskij gosudarstvennyj universitet imeni A.A. Kuleshova, 2019. (in Russ.)
4. Arnovick, Leslie K. *Written Reliquaries*. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company, 2006, 309 p. (in Russ.)
5. Hebing, R. The Textual Tradition of Heavenly Letter Charms in Anglo-Saxon Manuscripts, *Amsterdamer Beiträge zur älteren Germanistik*, 2012, No. 69 (1), pp. 203–222. (in Russ.)
6. Jolly, K.L. Anglo-Saxon charms in the context of a Christian worldview, *Journal of Medieval History*, 1985, No. 11 (4), pp. 279–293. (in Russ.)
7. Olsen, L. Latin Charms and Oral Tradition, *Oral Tradition*, 1992, No. 7/1, pp. 116–142. (in Russ.)
8. Velmezova, E.V. *Cheshskie zagovory: issledovaniya i teksty* [Czech Conspiracies: Studies and Texts]. Moscow, Indrik, 2004, 277 p. (in Russ.)
9. Toporkov, A.L. *Zagovory v ruskoj rukopisnoj tradicii XV–XIX v.v. Istoriya, simbolika, poetika* [Conspiracies in the Russian Manuscript Tradition of the XV–XIX Centuries. History, Symbolism, Poetics]. Moscow, Indrik, 2005, 480 p. (in Russ.)
10. Levkieskaya, E.E. *Slavyanskij obereg. Semantika i struktura* [Slavic Amulet. Semantics and Structure]. Moscow, Indrik, 2002, 336 p. (in Russ.)
11. Ivanov, E.E. Aforizm v krugu malyh tekstovyh form v ustnom, pismennom i elektronnom diskursah [Aphorism in the Circle of Small Textual Forms in Oral, Written and Electronic Discourses], *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* = Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics, 2022, vol. 13, No. 4, pp. 898–924. (in Russ.)
12. Prosyannikova, O.I., Skorik, K.V. Yazycheskie personazhi v anglosaksonskih i slavyanskikh tekstah zagovorov [Pagan Characters in Anglo-Saxon and Slavic Conspiracy Texts], *Rhema* = Rema, 2019, No. 1, pp. 36–47. (in Russ.)
13. Grendon, F. *The Anglo-Saxon Charms*. New York, Columbia University, 1909, 134 p. (in Russ.)
14. Kinney, S. Anglo-Saxon Medicine: Cures or Catastrophe? *Primary Source*, 2012, vol. II, iss. II, pp. 37–42. (in Russ.)
15. Storms, G. *Anglo-Saxon Magic*. The Hague, Nijhoff, 1948, 361 p. (in Russ.)
16. Chaney, W. Paganism to Christianity in Anglo-Saxon England, *Harvard Theological Review*, 1960, vol. 53, pp. 197–217. (in Russ.)
17. Ivanov, E., Petrushevskaia, Ju. Etymology of English Proverbs, *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2015, vol. 8, No. 5, pp. 864–872. (in Russ.)
18. Rupp, K. The Anxiety of Writing: A Reading of the Old English, *Journey Charm Oral Tradition*, 2008, vol. 23, No. 2, pp. 255–266. (in Russ.)
19. Schmidt, C. *Sleeping Toward Christianity: The Form and Function of the Legend of the Seven Sleepers in Medieval British Oral Tradition*. University of Missouri Libraries, 2008, 68 p. (in Russ.)
20. Finucane, Ronald C. *Miracles and Pilgrims: Popular Beliefs in Medieval England*. NJ, Rowman and Littlefield, 1977, 255 p. (in Russ.)

21. Hollis, S. Old English “Cattle-Theft Charms”: Manuscript Contexts and Social Use, *Anglia*, 1997, vol. 115, No. 2, pp. 139–164. (in Russ.)
22. Jolly, K.L. *Popular Religion in Late Saxon England: Elf Charms in Context*. University of North Carolina Press, 1996, 264 p. (in Russ.)
23. Ivanov, E.E., Maslova, V.A., Mokienko, V.M. *Nasledie Biblii v yazykah i kulturah narodov Rossii i Belarusi* [The Heritage of the Bible in the Languages and Cultures of the Peoples of Russia and Belarus: Monograph]. Moscow, Rossijskij universitet druzhby narodov, 2022, 406 p. (in Russ.)
24. Yudin, A.V. *Onomastikon russkih zagovorov. Imena sobstvennye v russkom magicheskom folklore* [Onomasticon of Russian Conspiracies. Proper Names in Russian Magical Folklore]. Moscow, Moskovskij obshchestvennyj nauchnyj fond, 1997, 320 p. (in Russ.)

Просьянникова Ольга Игоревна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой, кафедра иностранных языков и профессиональной коммуникации, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, olgapro@mail.ru

Olga I. Prosyannikova, ScD in Philology, Chairperson, Foreign Languages and Professional Communication Department, A.S. Pushkin Leningrad State University, olgapro@mail.ru

Скорик Ксения Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков и профессиональной коммуникации, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, ksenyapro@mail.ru

Kseniya V. Skorik, PhD in Philology, Associate Professor, Foreign Languages and Professional Communication Department, A.S. Pushkin Leningrad State University, ksenyapro@mail.ru

Статья поступила в редакцию 07.04.2023. Принята к публикации 14.07.2023

The paper was submitted 07.04.2023. Accepted for publication 14.07.2023